

Георгий Кертман

(Фонд «Общественное мнение»)

«Ценности имеют значение. Но в нашей культуре они всегда радикально недооцениваются»

В порядке предварительного замечания: поскольку консерватизм, в отличие от либерализма, социализма, даже национализма и некоторых других «измов», не имеет собственного, самостоятельного идеологического субстрата, говорить о ценностях консерватизма вне конкретной исторической ситуации – здесь и сейчас – довольно рискованно. Очень уж разные ценности в разных контекстах числились и числятся в категории «консервативных».

Но, так или иначе, тот традиционалистский мобилизационный проект, который сейчас реализуется и является весьма эффективным по воздействию на массовое сознание – не ведет к созданию консервативного человека и не может привести к этому, даже если будет еще более эффективен. Потому что консерватор – это человек, который ценит существующий социальный порядок, существующий уклад жизни и т.д., и стремится защитить их от разрушения. Вполне аутентичными консерваторами были, например, твердокаменные коммунисты на рубеже 80-х – 90-х годов – они старались удержать прежний, привычный порядок вещей от разрушения.

Однако сейчас такой социальный типаж в нашей стране, мягко говоря, в дефиците, поскольку мало кто дорожит нынешним, «данным в ощущениях» порядком вещей. Традиционалистская мобилизация ориентирована на идеалы, которые отсылают к прошлому. Но социальный типаж, который формируется при подобной мобилизации, становится не консервативным, а реакционным. Это не игра в слова, тут возникает совершенно другой запрос к власти, другой запрос к социуму. Если консерватор ждет от власти твердости в обороне, в противостоянии любым революциям, любым социальным потрясениям и т.д., то реакционер требует активных наступательных действий, контрреволюции в тех или иных сферах социального бытия. И если бы сегодняшний традиционалистский проект был в полной мере реализован,

его продуктом стал бы не столько консервативный, сколько реакционный человек. И власть должна была бы ориентироваться в той или иной мере на этот социальный типаж и сдерживать его, умеряя, по возможности, радикализм его требований и ожиданий.

Успеху проекта создания «консервативного человека» - как и любому проекту, предполагающему консолидацию на каких-либо идейных основаниях, - препятствует ценностный нигилизм, который у нас является фундаментальной характеристикой массового сознания, способа мышления. Наши сограждане не склонны верить, что кто-либо, какие-либо политические силы, акторы, социальные группы, иностранные государства (да кто угодно) руководствуются в своих действиях какими-либо идеальными мотивами – ценностями, верованиями, даже настроениями. За любыми действиями ищется интерес. Здесь, кстати, одна из фундаментальных причин живучести конспирологии.

Вот даже за этим столом. Прозвучала – и не была поставлена под сомнение – мысль о том, что украинский кризис подоспел очень кстати для реализации загодя продуманного консервативного сдвига в государственном курсе, в пропаганде и т.д. Вот был проект, просчитанный, отвечающий интересам режима – и для его реализации использовали подвернувшийся повод. То есть предположение о том, что руководство страны действует, реагируя на происходящее сообразно своей картине мира, руководствуясь не долгосрочным и более или менее корыстным расчетом, а определенными ценностями, представлениями, эмоциями (которые можно, конечно, оценивать по-разному) даже не возникает. А почему, собственно?

Говорят: 20% населения – интеллигенция – приняли ценности демократии и т.д., потому что они выиграли от перемен. То есть опять-таки интересы первичны, ценности вторичны: люди поддержали их потому, что это отвечает их интересам. Да нет же, я знаю множество людей, которые ничего не выиграли от перемен в плане материальном, социальном, статусном и т.д. (и все присутствующие знают) и, тем не менее, являются убежденными демократами и либералами. И мы знаем многих людей,

которые, наоборот очень много выиграли и не являются, и ни секунды не были ни демократами, ни либералами.

Ценности имеют значение. Но в нашей культуре они всегда радикально недооцениваются. Я не знаю, откуда это взялось. Нужно вести большое историческое исследование. Во всяком случае, петровские реформы в свое время столкнулись все-таки с сопротивлением, явно основанным на каких-то ценностных установках. Тогда ценности имели значение. А когда атеизация страны произошла за несколько лет практически без всякого сопротивления, наверное, ценности уже не имели такого значения. Где-то в XVIII-XIX веке и почему это произошло – это отдельная огромная тема. Я слишком мало про это знаю, чтобы рассуждать.

Реплика. Атеистическая революция...

Г.Л. Кертман. Атеистическая революция – и что? Ну, рухнула и рухнула церковь, вера – и ничего. Также рухнула потом советская система при всей мощи агитпропа и т.д. То есть примеры того, как проваливалась, не срабатывала ценностная мотивация на массовом уровне, как вроде бы устойчивая еще недавно картина мира не оказывала ни малейшего влияния на поведение масс, всегда под рукой. И это, видимо, способствует почти тотальному ценностному нигилизму в интерпретациях поведения едва ли не любых акторов. Кстати, огромную роль в утверждении этого ценностного нигилизма сыграл, я уверен, советский опыт: вульгарный советский вариант марксизма закрепил мысль о примате материального интереса над всем на свете, о продуктивности поиска такого интереса за поведением любого социального или политического субъекта, за любой программой или идеологемой. Сформировалась эта особенность нашего мышления когда-то раньше, но была закреплена, затвержена советской индоктринацией.

Но, так или иначе, сама возможность конструирования некоего социального типажа на ценностной основе – будь то «консервативный человек» или кто-то еще – в нашей стране проблематична, сколь бы мощные социальные и медийные ресурсы в реализацию этой идеи не вкладывались.